

135
4

Жизнь и деятельность профессора Императорского Юрьевского Университета Николая Карловича Чермака.

Речь читана 18-го Декабря 1903 года президентом Гистологического Общества Корниловичем на заседании Общества Естественных наук посвященном памяти покойного.

Мн. Гр!

Сегодняшнее заседание нашего Общества посвящается не обычным научным сообщениям из той или другой области Естествознания, а посвящается чести и памяти своего достойнейшего члена мужественною рукою смерти вырванного из нашей среды. Университет и общество при нем Общество Естественных наук понесли горькую утрату! 22-го Октября в городе Саратове после долгой и мучительной болезни — чахотки легких и гортани скончался действительный член нашего Общества, ординарный профессор Гистологии Николай Карлович Чермак. Покойный родился в 1856 году в Тифлисе¹⁾, где отец его был директором гимназии. Среднее

1) При составлении своей речи я пользовался: 1) Биографией Николая Карловича, помещенной во 2-м томе Биографического словаря профессоров и преподавателей Юрьевского Университета, 2) письмом сестры покойного, присланном во дни г-на Председателя „Общества Студентов Медицинск. Николая Павловича Мамкина, который любезно представил мне это письмо, как материал для биографии Николая Карловича“

образование получал в Баку, куда отец Николай Карлович перевелся директором, так называвшейся тогда Реальной Гимназии. Вся семья его была так, сказать, педагогическая начиная с дяди, последний имев в Москве частный пансион с отличной постановкой преподавания, к которому из старших классов обучали профессора Московского Университета, в этом же пансионе и воспитывался наш гениальный воспитатель-воспитательница Ф. М. Достоевский. Доктора Визюловый, который также учился там, хотя уже и не при дяде Николае Карловиче, из своих записок самым лестным образом отзывался об основателе пансиона и о порядках и обучении в нем. Отец Николай Карлович был прекраснейшим ребенком, многосторонне образованным и ученым педагогом, действительно изощренным в далеком Кавказе. Карл Леонтьевич, так звали отца покойного, была человек замечательный из нравственным и умственным отношении. В высшей степени добрый и деликатный он обладал изумительной эрудицией: он в совершенной знал языки: французский, итальянский, английский, итальянский, латинский, греческий, а также старинный, персидский и другие, так что всеобщую литературу и историю он все знал по подлинникам. Обладал огромной памятью он до глубины старости (умер 78 лет) сохранял в ясности и свежести все свои духовные и умственные силы. Кроме того он был отличным ботаником, после его смерти, огромная коллекция образков ив различных форм была передана в Петербургский Университет. Он первый изучал кавказскую флору и все собирался

начи. Из особенностей же выделял материалы для меня послужили: 3) письмо глубоководной сурруги покойного, Анны Александровны Чорман, в котором сообщены весьма ценные данные из переписки дядею, сестрической и из особенности земной жизни Николая Карловича, что я возложил себе цельюю известности его семье, 4) и мои собственные воспоминания в семейной 6-ти дневной служб с величайшими профессорами и кафедрами.

описать ее, во „во флора“, как он выражался, он не сдвигал этого, хотя до конца жизни продолжал заниматься своей любимой ботаникой и собирал растения.

Когда Николай Карлович был еще ребенком, отец брал его с собою в поездки по округу, а также и на экскурсии и здесь же покойный получил первое знакомство с миром животных и растений и надо сказать в такой умственной форме, что это послужило основой любви Николая Карловича к естествознанию. Об этих экскурсиях и поездках Николай Карлович всегда вспоминал с восторгом. Влияние и направление отца, сильно сказывалось с самого детства Николая Карловича, который будучи любилым сыном, по умственному складу подходил к своему достойному отцу. Николай Карлович не только безгранично уважал и любил его, но и отнесся к нему с чувством глубочайшего благоговения. Мать Николая Карловича была француженка, очень подвижна и деятельная она была много моложе мужа, ей было 16 лет, а последнему 32 года когда они поженились; она почти не занималась детьми. В молодости она увлекалась светской жизнью, а потом благотворительными обществами. Она долгое время состояла преподавательницей, а если не ошибаюсь, (помню жив супруга Николая Карловича) ею же и основана школа св. Ирины в Баку, существовавшая так до настоящего времени. Отец и роснул детей в воспитывал их, даже купал их сам в просветительные ночи, когда дети были больны. Мать была хорошей хозяйкой и у них чисто устроивались три в квартете — отсюда любовь Николая Карловича к музыке и почитание ее. Благодаря отцу в Бакинской Реальной Гимназии была прекрасно обставлена физический и химический кабинеты и очень хорошо полюбил знания в них; Николай Карлович много и с увлечением занимался так, так что когда он сдвигал студентом Академии, ему почти ничего нового по этике изучать не пришлось там проходить.

Преобладающими чертами в характере Николая Карловича являлась беспримесная доброта и самая широчайшая любовь к людям, беззаботная простота и скромность. Врожденное чувство справедливости проявилось в нем с самой ранней юности. Приведу яркий пример: аза писала мужа Леонтина Карловича, сестры покойного: „маленький мальчишка, слыша от сестры, что аза двоюродному приходится шпатель и записать восточными мальчишками, в то время как последние бегают и рванутся, Николай Карлович пришел изучать шпатель и шатле и влез за иглу во время на шпатель окружающих товарищей и братьев“. От ребенка с такими задатками можно было ожидать, что он разовьется в крупную нравственную личность. Педагогическая струнка также проявилась у Николая Карловича еще в детстве: когда он был в гимназии, он составлял себе целый класс товарищей татар, с которыми усердно занимался. Окончив Гимназию с золотой медалью, покойный поступил в Медико-Хирургическую Академию и, получив отсюда стипендию, почти всю отдавал беднякам товарищам, а сам читал лекции „Гиббалиса“, во выражение Леонтина Карловича, в какой то мурлы за печкой. Отсюда в то время он и приобрел свой катарр желудка, мучивший его всю жизнь. Нечего и говорить о его усердных занятиях и о том, что любовь к науке проявилась в нем с самых молодых лет, лица близко знавшие его всегда предсказывали ему ученую карьеру. Предсказание оправдалось, из него выработался ученый, при том ученый с полным отсутствием всякого педантизма и научной узости, а напротив с самыми широкими взглядами на вещи и со стремлением к общечеловеческому. Разбирал в сортиру недавно его библиотеку, и удивлялся громадному разнообразию книг ее составителя: кроме специальных тут были разнаными книги по биологии вообще, по юридическим вопросам, по социологии, по философии, по истории религий, особенно по педагогике. Конечно все

это было ему дорого и интересно, так как он тратил на покупку книг большие деньги.

В 1877 году по окончании Академии, молодым врачом Николай Карлович отправился прямо на театральные действия, возгоравшейся в то время Русско-турецкой войны. Работал самоотверженно в госпиталях, заразился тифом и долго болел в Адрианопле. По окончании войны и возвращении в Петербург, сдал экзамен на степень доктора медицины, напечатал свою работу: «Плато — Оппенгеймский феномен» и его место в ряду однородных случаев. Къ физиологии окрема урбания стала заниматься гистологией, эмбриологией и физиологической оптикой у пр. Осиповича. Работал над никрой лососе он впервые увидел явления паразитизма и «я потом по рече слышала от его товарищей, (наше Анна Алексеевна) что если бы он во время напечатал об этой своей работе, то честь открытия паразитизма принадлежала бы Николаю Карловичу.»

В 1880 году он поступил на службу Петербургского земства. В земские врач Николай Карлович пошел для того, чтобы «дать долг народу» за свое среднее и высшее образование. За все время службы на земстве у него никогда не было назначенных приемных часов, так что больные ходили в течение целого дня и даже ночи, что отнимало у покойного все его время и расстраивало здоровье. Он мог бы конечно урегулировать место, но по доброте, доходившей до слабости — он ничего не предпринимал. Он ни от кого не брал никакой платы, ни даже с богатых помещиков и купцов, исходя из того, что если он станет брать за знания дни и даже часы, то крестьяне могут сказать, что он за деньги лучше лечит. Он никому и никогда не отказывал в лечении или в посещении больного; во первой просьбе сейчас же шел как сказал, если присылали лошадей, а если лошади не было и присылали извозчика, он начинал ее за свой счет и брал кь больному, зачастую сам

больной (она всегда была слабого здоровья) и шумучаям развратам и бесонным ночам около трудных больных. Она постигла в бодле за много верст из хроникань, чахоточных, из тайных, кому уже она не могла помочь, но несомненно нашла их, потому что она просила его и часто говорила, как много это берет сил и времени; но у него не хватало духу отказать, потому что она видела, что в его присутствии они оживали, так как она ободрила их и возела надежду на выздоровление.

В больнице, когда бывали трудные больные (а таких редко не было), она всегда дежурила ночью почти больного, а фельднера, акушерку и сиделку отстраняла спать, говоря, что вез на завтра нужно быть бодрыми, чтобы работать и, совершенно забывшая, что ему то, который стоять по главе всего дела, тем более надо быть на завтра бодрым. Потому зачастую с ней бывала глубокая ссорона от нерутомления и бесонности. Когда его звали куда-нибудь на поминь, она сейчас же била куда звали, не рассчитывая ни своих сил, ни того, что из этого может произойти.* Немног такой случай (никогда сдуруга подобная). Это было лтнннм утром. Мы пили чай. Наруть сь возлемь вь комнату зблкала навал то крестьянина. «Докторь, докторь скорбе, сейчас вь рйкь мальчикь утонуть.» Николай Карлович вь тот же момент побжжал сь немю до напаралелю из рйкь. Расстояние было около полуверсты. Когда Н. К. добжжал до рйка, то онь увидьла на томь в другомь берегу огромную толпу крестьян, но никто не рйчался бросаться вь воду (потому что вь этомь мьсть рйка (Охта) была очень глубока и на днѣ онь были глубокия ямы, вырденные водоротомь и быстроты течения), но рйкь валамь плоть, сь котораго крестьяне багране пытались роиснать утонувшаго. На протянуво-можновь берегу была большая кувалка. Н. К., добжжавше до берега, задыхалсь, только спросил: «гдѣ утонуть?» — Тамь — указали ему, и онь вь тот же момент сбросил сь себя только наджась и, какь был

въ одеждѣ в сапогахь, нырнул вь воду (онь хорошо плавал и нырал), но быстро почувствовал, что онь задыхается, а сапоги, наполненные водою тянут его из пучка; онь собрал всѣ силы, вынырнул и ухватился за плоть, ахля на него, скнул сапоги — опять нырнул; но когда хотѣл вынырнуть, то ступилась головой о дне кувалки и какь уже онь выбрался оттуда — одному Богу известно. Когда онь вернулся домой, онь самь была похожа на утопленника: такое синее, укасие было у него лицо. Онь переодѣлся, вмиль коняку в горячою чаю и сейчас же отправился за 20 верст на фельдшерскій пунктъ (это была его развядной депь). Потомь оказалось, что когда Н. К. зрбжжалъ из рйкь, то мальчикь утонуть уже около часа тому иззадь, а же сейчась она сказала ему крестьянка. Черезь несколько часовь навал трупь мальчикь. Этотъ случай, онь характерен для Н. К.: онь был самоотверженъ, но и «не оть мира сего» вь томь смыслѣ, чтобы и себе побережь ради какого дела и обнеть всѣхъ обстоятельствь, чтобы лучше вынннть это дело."

Земская служба Н. К. это — сложное самокожертвенное, «анонимное», какь называли люди близко знающаго его дѣятельность. За 12 лѣтъ земской службы онь всецѣмь надорвал свое здорье. Свободные минуть оть земской службы онь проводилъ за книгами и выпискоювь. Но это был всегда горькая повннть заниматися гостелогией, потому что при отсутствіи прѣчныхъ часовь его постоянно отрывали оть работы и дѣло кончалось перенъ материалъ и пропратовъ.

Кромѣ своей разносторонней дѣятельности земская яроча практикь, покойной провнлъ несколько медико-статистическихъ работъ и написал для впередь 10 брошюръ о заразныхъ болѣзняхъ. Вь этому же периоду жизни Николай Карловичъ относился и его частнаго встрѣча сь Глѣбомъ Ивановичемь Успенскимь, который очень его любилъ и звалъ его свое студентомь.

«Иногда уже десятый год с того времени, как Николай Карлович держал экзамены на доктора и чтобы этот экзамен не прерывал, он решил идти на год отпустить от занятия и написать диссертацию. Там же, конечно, он год провонялся в Петербург в Академию у проф. Захарьина и написал диссертацию: «Строение и развитие хрящевой ткани». В следующем году он защитил ее, а еще через год конференция Академии подавляющим числом голосов избрала его, чтобы командировать за границу. Это был первый случай, что Академия избрала для командировки за границу человека со стороны. Обширнейше командировались доктора, состоящие при Академии. Заграничной он работал в Грац (нынче Австрия), Праге, Париже и — главным образом — в Берлине (большое года), где работал у пр. Оскара Геринга и проф. Вальдефера и слушал их лекции, которыми очень увлекался. Заграничные люди в порядке очень интересовали Ник. Карл., но он не мог ознакомиться с ними в той мере, как бы хотел, потому что все время отдавал лабораториям и лекциям.» Вообще, я думаю, никто Анна Алексеевна, что успешнее занятия в гимназии и в Академии (студенческие годы он все проводил за книжкой и на лекциях, только иногда восставал застывало вечера и концерты) и во все другие периоды его жизни были причиной того, что он совсем не заботился о жизни и людей. Он был бесконечно (до слабости) добрый и добрый, и много пользовался этим и до последней степени эксплуатировал его. Он не мог никому отказать и часто бывало, что даже люди состоятельные из чего-нибудь пустое брали у него последние деньги, оставшая его без необходимого. Очень немногие были люди, которые понимали, ценили и жалели Николая Карловича. Я говорю — и жалели — потому, что не видя, как он, всегда увлеченный какой-нибудь работой или делом, совершенно забывал о себе — тот же мог и жалеть его. Но забыть с добротой он был и необычайно настойчив: раз он

решал что-нибудь сделать, он делал как быльшим, хотя бы и очевидно было, что так поступать не следует. — Никто и ничто не могло его заставить и убедить поступить иначе, чем он задумал.»

Работы Николая Карловича обратили на себя внимание. По командировке из-за границы, он получил место профессора, сперва при кафедре Гистологии, а потом при кафедре Общей Патологии в Военно-Медицинской Академии. По прочтении двух превосходных лекций перед конференцией Академии, получил звание приват-доцента и лектурой по гистологической тематике. В 1895 году Общество Рыболовства и Рыбководства командировало Ник. Карл. на Волгу для изучения вылова рыбы на рыб. Отчет о выловах Обществу вывешивался в «Вестнике Рыболовства» за 1896 год. В 1896 году Юрьевский Университет избрал Николая Карловича на кафедру Гистологии, Эмбриологии и Сравнительной Анатомии, на которой он работал до начала 1902-го года, когда необходимые курсы гистологической тематике и, руководил значительными интересующимися нашей наукой лиц, помимо практических занятий и обязательных лекций по трем отдельным предметам. За это время в Институте было сделано много усовершенствований, приобретены новые приборы и коллекции. Все свое время он посвящал науке и в Обществе нашем был усердным посетителем заседаний, где неоднократно делал свои интересные сообщения. Увлеченными занятиями поднимала и без того расшатанное здоровье профессора, он стал чаще и чаще прихрамывать, жаловал себе даже на хрипоту и боль и слабость в ногах.

После констатирования гортанной патологии Николай Карлович уехал за границу в Рейхенгаль, Вальдбурун, Неаполь и другие места, где с лихорадочной деятельностью продолжал заниматься научными работами. Между тем, болшая при таком образе жизни видимо прогрессировала, такой человек не успевал видеть себя. По приезде

весной шестидесяти года для устройства своей отставки из Петербурга, она претерпела сильнейшую простуду и соевоим умирающей поехала в Саратов; естественнейшим легочным процессом стала быстро довершать свое дело, но волею судьбы присоединилась опять припадки малярии, которая она страдала почти все время, зашласла энергия организма все больше и больше таила и наиз наконецная с духа покончить себя жизнь дорогого профессора тихо дотерпела до ранах озорвавшей семьи состоявшей из жены и сына гимназиста. Ему не было еще полных 47 лет! Она погибла во зрелости, из которой другие люди только достигают полного развития своих духовныхх и физических сил!

Мой имела высшая часть во все время преподавательской деятельности понаиболее быть ее ближайшим сотрудником, сначала из должности воспитателя, а потом и профессора, бывать у него во домх, часто беседовать с ним и позволю проназваться уважаемому к этому выдающемуся человеку. И не буду касаться здесь разбора его научной деятельности, как специалист гистолога, выразившейся в его ученых трудах, отблуду только, что питавший ум Ник. Кард. всегда стремился проникнуть в самую ядра структуру живой материи и дать как научное объяснение — владомь чего явились его интересная книжка: о построении живого вещества — гипотеза живых молекул, интрей, вкоторой идеи которой одели из избитых профессоров-физиолог понаиз гениальными. Интересовали его преимущественно такие биологические вопросы, как таинственный процесс оплодотворения и структура мельчайших элементов клеточного ядра, которыми она усудочно занималась в последние годы. Это были так сказать его академически теми как специалист гистолога, но не чужды были повоинный и иные вопросы; будучи земская врачом, она писала о недостаточном питании крестьянских детей, о нехватке в деревнх и о возможности борьбы с ними, для народа составляла 10 брошюрок о зарваных болезнях, а в последние время, отблудив

обычку подыску по поводу свандившейся школьной реформы, писала в „Пет. Вѣд.“ письма о народном образовании. Так как наиболее рельефно Николай Карлович выставлялся в своей истинной лекции, исповѣдуя свое «свое», выражая свой взгляд на науку, школу и преподавание и так как эта лекция дала во моему житию лучшую характеристику и освещение его светлой личности, то я позволю себе привести вкратце содержание этой замечательной речи. Вступительная лекция свандившаяся: «значение биология как научной дисциплины и как общественной силы» состоялось в актовом залѣ Училища налетос в Сентябрѣ 1896 года. Вводил на кафедру молодой профессор, вкандил должно своему предшественнику проф. Барфурту сказать: «много славных имен пришло бы мне называть, если бы я хотѣл перечислить всех выдающихся деятелей науки, которые подымались в этих стенах; одного имени не могу не назвать, здесь учился и здесь училъ величайший из русских ученых Николай Иванович Пирогов!» «Почему же Ник. Кард. так преклонился именно перед великим Пироговым, хотя мог назвать еще много и других славных имен? А потому, что «Пирогов был не только великим врачом и учеником, но и великим гражданином — ему России обязана между прочим высшая часть наук своих школ!»

Развила свои мысли о значении гистологии, как науки необходимой будущему врачу из его социальной сферх деятельности, Н. К. сейчас же егоооразовал, что «сводять все значение науки к приносящей или материальной пользы, значило бы безусловно унизить его. Если можно говорить об инстинктх самосохранения, инстинктх любви, то можно говорить и об инстинктх познания; оно составляет природенную потребность человеческого ума и потому уже само по себе предстаетель целью, само по себе дает удовлетворение, не кромѣ того оно является срочное значение по первым, как орудие борьбы за существование, во вторых, как корректив этой борьбы, как

источник сознательного этического стрелкования». Высшая гражданная заповедь изучения Биологии покойной гессера: «без сознательного знания не с двинуть Биологию по мыслико правильное мировоззрение, а следовательно по мыслико и правильная гражданская деятельность.» Из классической школы, благодаря отсутствию изучения биологии, господствует одно дедуктивное мышление, во многом до индивидуальности учителя или академика дьяла, се жеботать лишь программа; таким образом, во классической школе преобладают Эдессоны, а не реальные — Канты и Спинозы, потому что противоборство дедуктивному можно бы служить, по мнению Чермака, «ведение науки индивидуализирующихся — ханя в биологии в курсе средней школы, ибо каждое живое существо живет по способу в наибольшей сумме счастья достижима для человека при условии наименьшего стеснения личности обязательными формами, как бы хороши они каже не казались». «Наличие научных знаний каждого народа распределяется в нем крайне неравномерно, описал Н. К., образованные люди составляют лишь небольшую группу среди негражданской массы, но в среде них сравнительно немногие обладают высшим философским развитием, большинство же получают лишь прикладное специальное образование.»

«Обладание специальными научными знаниями дает огромный перевес в борьбе за существование и во большинстве случаев образованный человек во состоянии обеспечить образование своим детям, что почти абсолютно недоступно для негражданской народной массы. Таким образом, знание превращается во редкое исключительное привилегии. Условие борьбы за существование становится искусственно неравными, вследствие этого победителями является во сильнейший и способнейший от природы, а тот, во случайности рождения поставлен во лучшие условия борьбы. Таким образом, знания, распределенными неравномерно, направляют естественную борьбу за существование и косвенно содействуют выживанию, как преимущественной

интеллигенции, так а возвышенной массы. Одна группа людей работает сильно умственно, другая поднимается от возвышенного физического труда. И обилие это предно, ибо природа жестоко наказывает за пренебрежение к ее законам, потому необходимо признать к труду во равной мере и физическому и умственному, ибо такой труд есть главный источник жизнеудовольствия. — А между тем огромное большинство людей, как образованных, так а негражданских, постоянно стремятся к тому, чтобы заставить других работать вместе себя в таким образом они, жадно стремясь к счастью, подбивают во себя самую способность испытать счастье.

Счастье мудреца: аной самого себя, может быть выработать лишь благодаря биологии и во этом ее главное значение, это самый большой дар, какой биология во состоянии дать человечеству. Под ее животворными лучами, говорил Чермак, развивается окупающийся ум людей тушить дедуктивному и свободная человеческая личность наступать рано или поздно во свои права! Работа людей 19-го века сдвинула то, что его назвали вблизи желтка и крови, пара а электричество. Нашему ученику поколению предостает наступать на арку истории во 20-ом столетии; от его работы будет зависеть, какое имя даст этому столетию потомство.

19 век вывел из жизни такие силы, как пар а электричество, оставал в томе время во беднейшем беденечко более могуче и благородную силу — силу народного ума. Сколько научных открытий закололо, сколько перлов искусства всецело болоспертно, вследствие того, что миллионы и миллионы людей оставались во состоянии животной дремоты. Показатель же приближающегося 20-му веку других девиц, показывать, чтобы потомство называло его вблизи Разума и Права. Не во том должна заключаться цивилизация, чтобы кое гд блещал яркий свет, а во том, чтобы свет во было повсюду.*

Этим прекрасным пожеланием Н. К. закончил

свою вдохновенную речь. Из приведенных выше выписок Вы можете Мн. Гр. видеть как широко открылся Черняк на самые важные задачи в какие чувства возмывали его благородную душу. После истиннейшей лекции началось его профессорское деятельность. Она шла отдале от преподавания, усердно готовился к лекциям, старался возможно лучше и южнее раскрыть перед слушателями содержание Гистологии, каждый из его учеников желавший работать, встречался с его стороны самое горячее сочувствие, и сам никого удалял своего времени на занятия с такими лицами. Вспомню, так сказать, официальных сношениях с учениками т. е. во время экзаменов, переэкзаменовок и т. п. покойный профессор всегда старался быть справедливым. Как экзаменатор он был строг, какойнибудь очень неудачный ответ заставлял его моментально вмешиваться. В нем крепко сидело убеждение, что должен же из своего дела будущий врач знать тот дивный механизм, чинить который он получает столь отдаленное и страшное право, да в глубине любви и уважения к своей науке только могли укривать эту простую и справедливую мысль.

И я знаю как слушатели бились вышелем у Черняка, бились сильно, но не меньше сильно уважали и любяла своего строгого экзаменатора.

Какая мысль сочувствующая и возмущающая от отголосков адептов только, вечно захвачено желание, всюкую сторону от него известную от исполнения с удивительной предупредительностью. Не было с его стороны заметно ни тени какого либо заискивающего отношения, им были только его поклонники из любителей дела преподавания и всегда оставались для него товарищами, к ним и считавшей себя во всем мире членом нашей рабочей семьи. Понитно, что согласно абсолютной вкромку принципам: доверяем знакомым доверяем, а любовь порождает любовь, им горячо чтили такого идеального товарища-профессора. Во время слушаний он жаждал очень пре-

доказательной базиса Николай Карлович любезно предлагал меня, не жалею, что в мои обязанности пришлось ему же исполнять, что было особенно неудобно при значительности педагогического персонала Гистологического Института. Также предупредительно изволил Николая Карлович во нужды и нашего служителя, заботился о нем, о его материальном положении и еще незадолго до смерти изписал к нему заявление за поддержку какихто денег и называл его „малый Трося“.

После лекций и практических занятий садился Черняк на своей любимой кофе, не забывал в это время заходить занимавшиеся в Институте и пока шли кофе подали конгруэентные блюда, всегда остроумная и живая, между прочим любил Черняк от души пошутить над какиминибудь замисловать анекдотом или скарлатинкой что забуду забытое. Потому каждый принимал на свое дело. Так являла протекла жизнь скромной ученой обители, была настоятелем такого доброго востере.

Вскоре после моего поступления на службу в Институт, мы обзавелись домом. Семья Николая Карловича состояла только из жены и сына, тогда еще воспитанника нашей классической гимназии. Вечера проводились мною в его доме, всегда рассказывал Николаю Карловичу как чудные описывала и ижекого отца, который не мог подмываться на своего Саму, любил потеть одышать из него человека в лучшем смысле этого слова. Покойный был удивительно гостеприимным хозяином, не зная как и угостить, да еще и вспоминал, что не забыть угостить как сидеть.

Когда она была относительно здорова, т. е. его не сильно мучила натура и не было признаков жалрии, он разговаривал и играл с детьми сверстными сына. Он был большой любитель музыки, этого языка ангелов, по выражению Гете, и похвалял ее. Как теперь помню с какими наслаждением Николай Карлович слушал арно Страделли (Гальберга), это было одно из любимых им

музыкальных произведений. За вечером театр собирался у него общество его друзей в добрых знакомых, женой Фейды с которыми, иногда прошивалась мушкетер, тинулась же редко далее за полотно. Так прошло несколько лет. Вследствие болезни сына, которого Николай Карлович даже хотел отаравить в Египет, жена с сыном переселилась в Саратов, а Николай Карлович переехал в маленькую квартиру против главной клиники. В это время он все ушел в свою науку, до позднего вечера сидел в Институте, занимался занятием и изучением своих препаратов. Запрое его тогда уже сильно понатнулось и он все жаловался на хрипоту. Здесь я позволю себе рассказать один случай характерный для отношения Николаю Карловичу к науке и к тому кто ею занимается. Однажды, сада дома, в бурной и дождливый октябрьский вечер, за изучением своих препаратов мыши, я забылся на одном из них, расплавленным в физиологическом растворе коваршей соли картинку, которая, во моему мнению, подтверждала мою теорию о механической сокращения мышца. Там как препарат нельзя было оставить до другого дня, ибо он мог испортиться, подлить же раствора в бочку, чтобы препарат не ушел из-за влаги, тьм было, что для этого казался очень тонкого наблюдения, и вот я и потому решил отаравиться к Николаю Карловичу. Застав его в своем величайшему удовольствию дома, я узнал, что он только что откуда то вернулся и отидается за своих необходимых кофе. Рассказав вскоре об этом деле и стал убеждать его пойти сейчас же за чай. Он, не колеблясь, тут же согласился, но только спросил подождать несколько минут — чтобы выпить кофе, а хотя Николай Карлович и командовал в тогода была, как говорится, такая что хонкер собиан не выгонять из дому, в такую погоду, как он в своей жестокости и злобу, и потащил его к себе. Рассмотрев мой препарат, он срисовал его на бумажку и дал свое объяснение види-

мой как картинке. Поговорить немного и не слушая меня заведомых извинений, но добродушно улыбаясь, он ушел. Без всяких комментариев предь Вами становится ясно еще одна характеристика чести моего незабвенного шефа. Продолжая свой рассказ, должен заметить, что чтение лекций становилось для него все труднее и труднее, хотя уже раньше демонстрирование препаратов и объяснение у доски во время ведения практических занятий, было уже затруднено им; это справедливое разделение труда несколько облегчало Н. К., но все же занятия и лекции по 8 предметам сильно его утомляли. Жизнь моя была тогда была тяжела. Одним из удовольствий этого периода жизни Н. К. было посещение его земляками студентами „молодых друзей“ во его выражении, в кругу которых он любил отдохнуть душой и нередко сфин его скромной квартиры отглаживал музыкальной русской пюки. Прожив также образом еще некоторое время, Н. К. обратился наконец к врачам. Виль поставил диагноз — туберкулез легкого. Велик знать, что до настоящей минуты такой диагноз равносильно смертному приговору. Первый день Николай Карлович был сильно подавлен такой ужасной вестью. Решено было отаравить его за границу. Он собрался медленю, забрал массу инструментов, 2 микрофона, книги и как мы сейчас помим Николай Карлович не казался не столько летчиком, сколько трудящимся, пользовался обилием материала на берегу Средиземного моря. Он думал конечно, что можно дьмать и то в другое; в теории это показу было и верно, но не верно по отношению к Николаю Карловичу когда небрежно относящемуся к своему собственному здоровью; тьм было, что и надежда на продление жизни снова вспыхнула в сердцах, ибо уходя на последний раз вь институт он мн сказал: „пу ничего ндь эта болезнь имет 8 недель, еще как пойдет этот процесс!“ Н с радостью поддерживал эту надежду.

Нанавуит отъезда Николай Карлович пригласил своих покровников Д-ра Шмельера и меня из себя на обед, при чем предвзято значение заразительности туберкулеза, сказал, вызывая меня вно из стамбули: „Вы же боитесь, и самъ изъ выжила спиртом!“ Новаторско грустно и тяжело было, надо сознаться, на этомъ немаломъ обеде. Первый тостъ Николай Карлович предложилъ имнть за науку, а потомъ за своихъ покровниковъ, длившихся съ немъ трудн. И водила бокал за ридного шефа. На другой день мы проводил его на вокзалъ и съ той поры Богъ не судилъ намъ видѣться. Приѣхавъ заграницу Николай Карловичъ лекторачно сталъ работать, планы за планами родилась въ его головѣ, а силъ . . . все падали. Неожелте къ здоравью удаляла всѣхъ знавшихъ его загранией. Жена и работая на турбинѣ, большой профессоръ имѣлъ утѣшене и радость чувствовать, что ученики его помнить и почтатъ. Съ ведлинского почера мне была послана Николаю Карловичу телеграмма съ горячими пожеланіями выздоровленія вмѣстѣ съ возбуденіемъ объ секретинѣ «Общества студентавъ-медиковъ», въ разработкѣ устава котораго онъ принималъ самое оорудное участіе. Характерное свѣдѣнне письмо похобного студентавъ я приноку здѣсь цѣлюковъ. Вотъ что онъ выжалъ изъ Неаполи отъ 2-го февр. 1902 года.

«Дорогіе друзья! Меня очень обрадовало вѣдѣніе объ успѣхахъ Вашихъ изначинаній. И очень много жду отъ студенческой общности, въ особенности отъ Вашего, благодаря его хороще и всесторонне задуманной программѣ. До сихъ поръ на аренѣ нашей общественной жизни поднимались преимущественно люди духа категорій — герои и выскочки. На герояхъ далеко не уйдешь, потому что ихъ мало, на выскочкахъ лучше всего не вытѣкать. Русскій же средній чловекъ, отлучаясь въ болышинствѣ случаевъ преносходными качествами ума и сердца, обнаруживаетъ въ то же время полное отсутствіе воли: его какъ бы зовутъ и не было и жизнь проходила живо, точно не замѣчала его.

Воспитанна привычка, или, говорить я дѣйствовать, студентская общность воспитываетъ въ среднемъ чловецкѣ волю — создадутъ личность; а это значитъ очень много (если не все!). Желаю успѣха въ устрѣннѣ въ немъ. Преданный Вамъ Н. Чернышъ.» Даже въ послѣдній свой приѣздъ, почти уваракцій, онъ продолжалъ интересоваться наукой, жизнью, студентами, продолжалъ интересоваться тогда, когда дни его были сечены. Душа его еще носилась въ смелыхъ радужныхъ мечтаніяхъ и планы, но истраданшее тѣло неудержимо разрушалось а 22-го Октября «поднятому добрымъ подвижаніемъ» идеинный наборникъ съѣта а правды почла пѣчьимъ своимъ! . . . Si tibi beta levis дорога профессоръ! Въдѣстие предничныхъ дней газетъ въ Саратовѣ не выходило, не могла быть сдѣлана публикація, а потому желавшихъ отдать ему послѣдній долгъ было мало.

Рѣчь моя оочечена. Принявъ съ благодарностью предложеніе Правленія Общества познакомиться Васъ Мн. Гг. съ биографіей покойнаго Николая Карловича, я старался насколько могъ и ужьлъ, пользоваться доступными мнѣ матеріалами, набросать предъ Вами хотя бы только нѣкоторые типичные черты этого высококравственного чловека. Прими полной оцѣнку его, безусловно замѣненной личности, еще преждевременно въ виду свѣжей памяти, но я введденнаго, себя думать, достаточно чтобы гордиться и радоваться что онъ жилъ и работалъ среди насъ, а жаль бы еще долго, если бы злой вѣдуть не вредилъ его благородную жизнь. Въ лицѣ безвременно почивающаго русскаго наука понесла тяжкую утрату; потеряла безсмысленно преданнаго, самостоятельное мыслящаго, талантливаго сотрудника; университетона учиная корпорація — благороднаго товарища, не дѣлающаго никому сознательнаго зла; учающаго юношество своего истиннаго друга и честнаго учителя, доблестно несшаго на себя тяжелый и отвѣтственный предъ своимъ сообществомъ преподавательскій трудъ; а все русское мыслящее общество лишилось въ немъ одного изъ самыхъ гуванныхъ дѣятелей, работавшихъ на общую пользу. Оно

живалось честнейшего человека до конца недуга правдой дорогой, без сдвинутой со своей совестью, человека который не интересовался этой житейской борьбой, который денесь до мысли неутокушными священными идеями живет!

«Свершившись на предвзвешанных землях все земное», он прожил свою недолгую жизнь осмысленно забыту мудреца образцовою к возрожденному детяти: «когда ты родился мы всей радувались, однак ты плакала, живи же так мое дитя, что когда ты будешь умирать, чтобы ты едина радувалась, а мы всей плакали», а сегодняшнее заседание нашего Общества есть дань уважения личности покойного и выражение нашей глубокой скорби по случаю его кончины.

Покойный говорил в своей вступительной лекции: «спешаем себя побольше таклях учеником, какия был Николай Иванович Паротов», а мы прибавим: а пожелаем побольше таклях чистых учителей, какия был Николай Карлович Чермак!

Пусть же святая личность почивающего будет служить нам примером и побуждением подобно ему возмужено стремиться к добру и правде, будем же и мы подобно ему работать над нравственными совершенствованиями своей личности и напутая, что жизнь каждого из нас же повторится, постараемся провести ее законно продуктивно и будем стараться делать добро, ибо только в этих условиях нам позволительно верить и надеяться, что мыидея наконец над землей заре новой жизни под знакомом свободного труда и братской взаимной любви!

И будет тогда на землях мира и в человечестве благоволение!

Жизнь и деятельность профессора Императорского Юрьевского Университета Николая Карловича Чермака.

Речь читана 18-го Октября 1908 года президентом Гостолози Николаем Кордильевичем на заседании Общества Естественнаучников посвященном памяти покойного.

Мн. Гр!

Сегодняшнее заседание нашего Общества посвящается не обычным научным сообщениям из той или другой области Естественных наук, а посвящается чести и памяти своего достойнейшего соотечественника неутомимое рукою смерти вырванного из нашей среды. Университет и состоящее при нем Общество Естественнаучников понесли горькую утрату! 28-го Октября в город Саратов после долгой и мучительной болезни — чахотки легочной и горлаки скончался действительный член нашего Общества, ординарный профессор Гостолози Николай Карлович Чермак. Покойный родился в 1856 году в Тифлисе¹⁾, где отец его был директором гимназии. Среднее

1) При составлении своей речи я пользовался: 1) Биографией Николая Карловича, напечатанной в 2-м томе Географического словаря профессоров и преподавателей Юрьевского Университета. 2) письмом супруга сослуживца покойного, присланном им мне г-ном Председателем Общества Студентов Медицинск. Николая Павловича Малигина, который любезно предоставил мне это письмо, как материал для биографии Николая Карл-

образование получил в Вану, куда отец Николая Карловича перешел директором, так называвшейся, тогда Реальной Гимназии. Все время его была так, сказать, педагогическая школа с дядь, последний жил в Москве частный пансион с отличной постановкой преподавания, из которого из старших классов обучали профессора Московского Университета, из отцов то пансион и воспитывали и даже гениальный писатель-педагог Ф. М. Достоевский. Доктор Вяземский, который также учился там, хотя уже и не при дяде Николае Карловиче, из своих занесших самым лучшим образом отзывается об основателе пансиона и о порядках и обучении в нем. Отец Николай Карлович был прекрасный работник, многосторонне образованный и ученым педагог, дилетант по садоводству и проведению на далеком Кавказе. Карл Леопольдович, так звали отца покойного, был человеком замечательным из нравственных и умственных точек зрения. В высшей степени добрый и деликатный он обладал изумительной эрудицией: он в совершенстве знал языки: французский, немецкий, английский, итальянский, латинский, греческий, а также санскритский, персидский и другие, так что вообще литературу в истории он всю знал по подлинникам. Обладая огромной памятью он до глубокой старости (умер 78 лет) сохранял все ясности и свежести все свои духовные и умственные силы. Кроме того он был отличным ботаником, после его смерти, огромная коллекция собранная им кавказской флоры были переданы из Петербургской Университет. Он пораньше изучал кавказскую флору и все собирал

туда. В особенности же думался материалов для меня послужили: 1) письмо глубоководной супруги покойного, Анны Александровны Черныш, из которого особенно несколько близко думалось мне периоды детства, студенческой и в особенности женской жизни Николая Карловича, что и позволило себе сделать признание это письмо, 4) и мои собственные воспоминания о семейной 6-ти летней службе с незабываемым профессором и профес-

списать ее, но „по дѣлу“, как он выразился, он не сдѣлал этого, хотя до конца жизни продолжал заниматься своей любимой ботаникой и собирал растения.

Когда Николай Карлович был еще ребенком, отец брал его съ собою на поездки по округу, а также и на экскурсии и здесь то покойный получил первое знакомство съ миром животных и растений и надо полагать въ такой увлекательной формѣ, что это послужило основой любви Николая Карловича къ естествознанию. Обѣ эти экскурсии и поездки Николай Карлович всегда вспоминалъ съ восторгом. Вѣрнее и подробнѣе отдал, сильно сказывался съ самого детства Николая Карловича, который будучи любимым сыномъ, но умственною складу подходил къ своему достойному отцу. Николай Карлович не только безгранично уважал и любил его, но и относился къ нему съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣянія. Мать Николая Карловича была француженка, очень подвижная и дѣятельная она была много моложе мужа, ей было 16 лѣтъ, а послѣдному 32 года когда она поженилась; она почти не занималась дѣтми. Въ молодости она увлекалась свѣтской жизнью, а потомъ благотворительными обществами. Она долгое время состояла предѣлительницей, а если не ошибаюсь, (иметь мнѣ супруга Николая Карловича) ею же и основаны пріюты Св. Нины въ Вану, существовавшій тамъ до настоящаго времени. Отец и воспитывал дѣтей и воспитывал ихъ, даже купилъ ихъ самъ и просиживалъ ночь, когда дѣти были болѣны. Мать была хорошей музыкантой и у нихъ часто устраивались трио и квартеты — отсюда любовь Николая Карловича къ музыкѣ и поязжаніе ей. Благодаря отцу въ Ванской Реальной Гимназии была прекрасно обставлена физическая и женская кабинеты и очень хорошо велось занятіе въ нихъ; Николай Карлович много и съ увлеченіемъ занимался тамъ, такъ что иногда онъ сдѣлался студентомъ Академіи, ему хотя ничего важнаго по этимъ наукамъ не пришлось тамъ проходить.

Преобладающими чертами в характере Николая Карловича являлись безпредельная доброта и самая широкая любовь к людям, беззаветная простота и скромность. Врожденное чувство справедливости проявлялось в нем с самой ранней юности. Приведу ярий пример из письма мужа Леонтины Карловны, сестры покойного: «маленьким мальчиком, самиза от сестры, что им девочкам приходится шитовать и зашивать костюмы мальчиков, в то время как последние бегают и играют, Николай Карлович пришел изучать шитовалью и шитье и кончил за желу не кончил на шитовалью окружающих товарищей и братьев». От ребячества с такими задатками можно было ожидать, что он разовьется в крупную правдивую личность. Педагогический струна также проявилась у Николая Карловича еще в детстве: когда он был в гимназии, он составлял себе целый класс товарищей татар, с которыми усердно занимался. Окончив Гимназию с золотой медалью, покойный поступил в Медико-Хирургическую Академию и, получая от отца стипендию, почти всю расходовал на покупку книг товарищам, а сама жизнь покойной «губидила», по выражению Леонтины Карловны, в какой то мурь в женкой. Очевидно в это время он и приобрел свой катарр желудка, мучивший его всю жизнь. Немного в теория о его умственных занятиях и о том, что любовь к науке проявилась в нем с самых молодых лет, когда близкое знакомство его всегда предсказывала ему ученою карьеру. Предсказание оправдалось, из него выработался ученый, при том ученый с полным отсутствием всякого педагогизма и научной занюхости, а напротив с самыми широкими взглядами на вещи и со стремлением к общению. Разбирая в сферу недавно его библиотеку, я удивился громадному разнообразию книг во составленных: кроме специальных тут были различные книги по биологии вообще, по юридическим вопросам, по социологии, по философии, по истории религий, особенно по педагогикѣ. Очевидно все

это было ему дорого и интересно, так как от тратил на покупку книг больша деньги.

В 1877 году по окончании Академии, молодым врачом Николай Карлович отправлен прямо на театра военных действий, востребованной в то время Русско-турецкой войны. Работа самоотверженно на госпиталѣ, зарекомендирован в долго болѣл в Адрианополь. По окончании войны и возвращении в Петербург, сразу оказавшись на степень доктора медицины, начался своя работу: «Шлях — Овальной фетонель в его криво в ряду однородных изменений. В физиологии органа зрения и стал заниматься гистологией, эмбриологией и физиологической анатомией у пр. Осандинского. Работая над этой работой он впервые увидел явление хариокинеза и с тех пор во разе слышала от его товарищей, (нашег Ава Александровна) что слышала он во время начатая обь этой своей работѣ, то честь открыти хариокинеза принадлежала бы Николаю Карловичу.»

В 1880 году он поступил на службу Петербургского госпиталя. В земские врач Николай Карлович не шел для того, чтобы «отдать долг народу» за свое среднее и высшее образование. За все время службы в земской и него внесла не было никаких вредных привычек, так что больше ходил в темном платье дня и даво нече, что отнимало у покойного все его время и распространяло здоровье. Он не бы конечно урегулировать многое, но по добротѣ, доходившей до слабости — от ничего не предпринимал. Он не оть кого не брал никакой платы, не даво в богатых помещиках и купцах, исходя изь того, что если онь становь братъ за плати сь богатых, то крестьяне могут сказать, что онь за деньги лучше лечитъ. Онь никому и никогда не отказывалъ вь лечении как вь помещиках больного; по первой просьбѣ сейчас же шелъ кля лечить, если принимали плати, а если плати не было и принимали бесплатно, онь платилъ се за свой счет и изьл изь больницу, зачастую сказ

большой (онь всегда была слабого здоровья) в замученный развядавши и бессонными ночами своего трудника больничка. Она постигала и фадать за много версты из хрониками, чакоточивши, из такваж, кому уже онь же жость помошь, но постоянно набицала их, потому что она просили его а чтого говорил, какь много это береть силъ и времени; но у него не хватало духу отпавать, потому что онь видѣль, что въ его присутствіи они оживали, такъ какъ онь ободряль ихъ и возилъ надежду на выздоровленіе.

Въ больничъ, когда бывали трудные болные (а такихъ рѣдко не было), онь всегда докуралъ ночью вѣщи болного, а фельдшера, акушерку и сидѣлку отправлялъ спать, говоря, что имъ на завтра нужно быть бодрими, чтобы работать и, совершенно забывши, что ему то, который стоять во главѣ всего дѣла, тѣмъ болѣе надо быть на завтра бодрими. Поэтому замаску съ ними бывали глубочіе обмороки отъ переутомленія и бессонницы. Когда его знали куда-нибудь на коммуну, онь сейчас же бѣжалъ куда звалъ, не рассчитывая ни своихъ силъ, ни того, что имъ этого нехотятъ проиводити." Помяну такой случай (именно супруга покойнаго). Это было лѣтнимъ утромъ. Мы пили чай. Вдругъ съ коммунъ въ комнату обѣжала мамка то крестьянка. «Докторъ, докторъ спорѣе, сейчасъ въ рѣкѣ мальчишка утонулъ.» Николай Карловичъ изъ тотъ же моментъ побѣжалъ съ посо на направлении къ рѣкѣ. Расстояние было около полуверсты. Когда Н. К. добѣжалъ до рѣки, то онь увидѣль на томъ а другомъ берегу отреную толпу крестьянъ, но какъ же рѣшился броситься въ воду (потому что въ этомъ мѣстѣ рѣка (Охта) была очень глубока и на днѣ ея были глубокіе ямы, вследствие водоворотовъ и быстроты течения), но рѣкѣ хватало плота, съ котораго крестьяне баграми вытаскивъ розискавъ утонувшаго. На противоположномъ берегу была большая купающа. Н. К., добѣжавши до берега, задыхался, только спросилъ: «гдѣ утонула?» — Тамъ — указала ему, а онь въ тотъ же моментъ сбросилъ съ себя только надмятъ и, какъ былъ

въ одеждѣ и санскахъ, нырнулъ въ воду (онь хорошо плавать и нырять), но быстро почувствовалъ, что онь задыхается, а сансги, наполненные водой тащутъ его въ пучину; онь собралъ всѣ силы, вынырнулъ и ухватился за плотъ, кѣсь за него, схватилъ сансги — опять нырнулъ; но когда хотѣль вынырнуть, то стукнулся головой о дно купальни а какъ уже онь выбралъ оттуда — одному Богу известно. Когда онь вернулся домой, онь самъ былъ похожъ на утопленника: такое синее, ужасное было у него лицо. Онь передѣлся, вынулъ сансги и терчаге чай а сейчасъ же отправился за 20 версты на фельдшерскій пунктъ (это было его развядной днѣ). Потомъ оказалось, что когда Н. К. приближалъ къ рѣкѣ, то мальчишка утонулъ уже около часа тому назадъ, а во «сейчасъ» какъ сказала ему крестьянка. Черезъ нѣсколько часовъ нашъ трупа мальчишка. Этотъ случай, онь характеренъ для Н. К.: онь былъ самоотверженъ, но а «изъ отъ міра сего» въ томъ смыслѣ, чтобы и себя забаречь ради вычатаго дѣла и забыть всѣ обстоятельства, чтобы лучше выполнить это дѣло."

Земская служба Н. К. это — сложное самопожертваніе, «агостельство», какъ называли люди близко знающіе его дѣятельность. За 12 лѣтъ земской службой онь совсѣмъ надорвалъ свое здорье. Свободные минуты отъ земской службы онь проводилъ за книгами и выписками. Но это была всегда горькая коммунка заниматься гистологіей, потому что при отсутствіи присланныхъ часовъ его постоянно отправля отъ работъ и дѣло кончалось парчею матеріаловъ и препаратовъ.

Кромѣ своей разносторонней дѣятельности земскаго врачъ прантика, комбиниръ проивель нѣсколько медико-статистическихъ работъ а написала для народа 10 брошюръ о заразныхъ болнозахъ. Къ этому же періоду жизни Николая Карловича относится а его частые встрѣчи съ Габбемъ Ивановичемъ Успенскимъ, который очень его любилъ а зналъ его еще студентомъ.

«Исходила уже десятый год с того времени, как Николай Карлович держал экзамен на доктора и чтобы этот экзамен не пропал, он решил взять на год отъезда от женаты и написать диссертацию. Таким образом, он год провизничал в Петербурге в Академии у проф. Заварзинна и написал диссертацию: «Строение и развитие хрящевой ткани». В следующем году он защитил ее, а еще через год конференция Академии подымающим членом голосов выбрала его, чтобы командировать за границу. Это был первый случай, что Академия выбрала для командировки за границу человека со стороны. Обыкновенно командировались доктора, состоящие при Академии. Заграничные он работал в Грац (юг Австрия), Праг, Париж и — главным образом — в Берлин (больше года), где работал у пр. Оскара Гарнета и проф. Валдейера и слушал их лекции, которыми очень увлекался. Заграничные люди в коридор очень интересовали Ник. Карл., но он не мог ознакомиться с ними в той мере, как бы хотелось, потому что все время отдавал лабораториям и лекциям.” Вообще, а думаю, знает Анна Алексеевна, что усиления занятия в гимназии и в Академии (студенческие годы он всё провёл за книжкой и в клиниках, только иногда посещал концерты вечера и концерты) и во все другие периоды его жизни были таковы, что он совсем не знал жизни и людей. Он был беспрестанно (до слабости) добрый и добрый, и вместе пользовался этим и до последней степени эксплуатировал его. Он не мог никому отказать и часто бывало, что даже люди совершенно не чуждые пустое брали у него последние деньги, оставляя его без необходимого. Очень немногие были люди, которые понимали, ценили и жалели Николая Карловича. Я говорю — и жалели — потому, что кто видел, как он, всегда утомленный какой-нибудь работой или делом, совершенно забывал о себе — тот не мог не жалеть его. Но вместе с добротой он был и необычайно настойчив: раз он

решил что-нибудь сделать, в каком или большем, хотя бы и очевидно было, что так поступать не следует — никто и ничто не могло его остановить и убедить поступить иначе, чем он задумался.»

Работы Николая Карловича обратили на себя внимание. По возвращении из-за границы, он получил место провизора, сперва при кафедре Гистологии, а затем при кафедре Общей Патологии в Военно-Медицинской Академии. По прочтении двух-трех лекций перед конференцией Академии, получил звание приват-доцента и вел курсы по гистологической технике. В 1895 году Общество Рыболовства и Рыбеводства командировало Ник. Карл. на Восток для изучения жизни рыбы. Отчет полевой работы Обществу напечатан в «Восточный Рыболовство» за 1896 год. В 1896 году Юрьевский Университет избрала Николая Карловича на вакантную кафедру Гистологии, Эмбриологии и Сравнительной Анатомии, на которой он работал до начала 1902-го года, когда обязательные курсы гистологической техники и руководил занятиями интересующихся этой наукой лиц, помимо практических занятий и обязательных лекций по трем отдельным предметам. За это время в Институте было сделано много усовершенствований, приобретены новые приборы и пополнены коллекции. Все свое время он посвящал науке и в Общество нашем был усердным посетителем заседаний, где неоднократно делал свои интересные сообщения. Усиленные занятия подрывали и без того расшатанное здоровье профессора, он стал чаще и чаще приходить, жалусь особенно за хрипоту и боль и невозможность в горлы.

После констатирования горловой чахотки Николай Карлович уехал за границу в Рейксгаль, Виллафранку, Неаполь и другие места, сдв с лихорадочной деятельностью продолжал заниматься научными работами. Между тем болела при таком образе жизни видная прогрессивная, такой человек не удерживать себя. Но приехал

весной зимничего года для устройства своей отставки из Петербурга, она получила сильнейшую простуду в состав умаравший похалъ въ Саратовъ; осложнившійся легочный процессъ сталъ быстро захватывать свое дѣло, но всему этому присоединялись опять припадки холеры, которымъ она страдала почти все время, запавшая энергія организма все болѣе и болѣе таяла и какъ заключенная съ двухъ похолодъ сама жизнь дорогого профессора такою образомъ въ рукахъ осиротѣвшей семьи состоявшей изъ жены и сына гниязела. Ему не было еще возмѣхъ 47 лѣтъ! Она погала въ возрастѣ, въ которомъ другіе люди только достигаютъ начата развитія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ!

Мать вынала высокая часть во все время продолжительнейшей дѣятельности козвѣнаго быта его ближайшихъ сотрудниковъ, сначала въ должности ассистента, а потомъ и профессора, бывала у него въ дѣлѣ, часто бесѣдовала съ нимъ и невольно прониклась уваженіемъ къ этому выдающемуся человеку. И по буду вкратцѣ здѣсь разбѣра его научной дѣятельности, какъ специалиста гистолога, перешедшей въ его ученихъ трудахъ, отбѣну только, что пыланный умъ Ник. Карл. всегда стремился проникнуть въ самую ядра структуры живой матеріи и дать имъ научное объясненіе — влѣдомъ чего вышло его интересное книжка: о построении живаго вещества — гистология животныхъ комокулъ вытѣрей, нѣкоторыя идеи которой обнѣтъ изъ нѣкоторыхъ профессоровъ-физиологовъ вышло гениальными. Интересовала его преимущественно такіе биологические вопросы, какъ таинственный процессъ овоидогенеза и структура мельчайшихъ элементовъ клеточнаго ядра, которыми она усидливо занималась въ послѣдніе годы. Это была такъ сказать его академическая тема какъ специалиста гистолога, но не чужды были похобнѣмъ и инымъ вопросамъ; будучи земскимъ врачомъ, она знала о недостаточномъ питаніи крестьянскихъ дѣтей, о паченіяхъ въ деревьяхъ и о возможности борьбы съ ними, для народа оставила 10 брошюркъ о заразныхъ болѣзняхъ, а въ послѣднее время, отбѣмъ

общему водъему во поводу санданной школьной реформы, писала въ „Пет. Вид.“ письма о народномъ образованіи. Такъ какъ наиболее рельефно Николай Карловичъ высказался въ своей выступительной лекціи, по поводу свое «свѣдѣ», выразила своей взгляды на науку, школу и пачелазало и такъ какъ эта лекція дала по волеу нѣкую лучшую характеристичну и обобщеніе его свѣтлой личности, то и позволю себѣ привести нѣкоторыя мѣста этой захватительной рѣчи. Выступительная лекція обобщалась: «свѣтлые биология какъ научной дисциплины и какъ общественной силы» состоялось въ актовомъ залѣ Университета нахотѣ въ Сентябрѣ 1896 года. Войдя на кафедру новой профессору, вышло долгие своему предшественнику проф. Барфурту сказать: „много славныхъ именъ пришлось бы мѣть назвать, если бы и хотѣлъ перечислить всѣхъ выдающихся дѣятелей науки, которые поднимались въ отѣхъ отбѣмъ; одного имени же могу не назвать, здѣсь учился и здѣсь училъ величайшій изъ русскихъ врачей Николай Ивановичъ Пироговъ! „Почему же Ник. Карл. такъ преклонился именно впередъ великаго Пироговима, хотя могъ назвать еще много и другихъ славныхъ именъ? А потому, что Пироговъ былъ не только великимъ врачомъ и ученикъ, но и великимъ гражданиномъ — ему Россия обязана между прочимъ высшимъ родемъ въ отбѣтъ своихъ школъ!»

Развавалъ своею амелью о значеніи гистологии, какъ науки и охобходимой будущей врачу въ его специальной сферѣ дѣятельности, Н. К. отбѣмъ же отсозриваетъ, что «сводитъ все значеніе науки къ прикладной или материальной пользамъ, значило бы бесконечно указать его. Если можно говорить объ инстинктѣ самооправленія, инстинктѣ любви, то можно говорить и объ инстинктѣ познания; оно оставляетъ врожденную потребность человеческого ума и потому умъ само по себѣ представляетъ сѣль, само по себѣ даетъ удовлетвореніе, но кроитъ того оно захватъ современное знаніе во вермахъ, какъ орудіе борьбы съ существованіемъ, во вторыхъ, какъ коррективъ этой борьбы, какъ

истинный сознательный этический стремления». Высшая гражданское значение изучения биологии подобный говорил: «без основательного знакомства с данными биологии не мыслимо правильное мировоззрение, а следовательно не мыслима и правильная гражданская деятельность.» В классической школе, благодаря отсутствию изучения биологии, господствует одно дедуктивное мышление, в школе же индивидуальности ученика нет никакого дѣла, ее задача лишь программа; таким образом, в классической школе возмужают Эдмонди, а в реальной — Канты и Спинозы, потому в противоборь дедуктивному жосо бы служить, во мнѣнiю Чермака, «наведенiе наука индивидуализирующая — химия и биология в кругъ средней школы, ибо каждое живое существо живет по своему и наибольшая сумма счастья достигается для человека при условии наименьшаго стѣсненiя личности обязательными формулами, какъ бы хороши они нижъ не казались». «Наличие научныхъ знаний каждого народа распределяется въ немъ крайне неравномерно, сказалъ Н. К., образованные люди составляютъ лишь небольшую группу среди необразованной массы, но в среде этихъ сравнительно немногихъ обладаютъ высшимъ философскимъ развитiемъ, большинство же получаетъ лишь прикладное специальное образование.»

«Обладание специальными научными знаниями даетъ огромнейшй перевѣсъ въ борьбѣ за существованiе и въ большинствѣ случаевъ образованный человекъ въ состоянiи обеспечить образование своимъ дѣтямъ, что почти абсолютно недоступно для необразованной парадной массы. Такимъ образомъ, знание превращается въ родъ классовой привилегии. Условiя борьбы за существованiе становятся искусственно неравными, вследствие этого побѣдителемъ является не сильнѣйшiй въ способнѣнiи отъ природы, а тотъ, кто случайностами рождения попадаетъ въ лучшия условiя борьбы. Такимъ образомъ, знанiя, распределенныя неравномерно, извращаютъ естественную борьбу за существованiе и косвенно содѣйствуютъ вырожденiю, какъ переутомленной

интеллигенцiи, такъ и необразованной массой. Одна группа людей работаетъ сильно умственно, другая вынуждается отъ незначительнаго физическаго труда. И обомъ это вредно, ибо природа жестоко наказываетъ за пренебреженiе къ ее законамъ, потому необходима примѣсь къ труду въ равной мѣрѣ и физическому и умственному, ибо такой трудъ есть главной источникъ живверодности. — А между тѣмъ огромное большинство людей, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, постоянно стремится къ тому, чтобы заставить другихъ работать вместо себя и такимъ образомъ они, жадно стремясь къ счастью, подѣлываютъ въ себѣ самую способность ощущать счастье.

Скѣтъ мудреца: познавъ самого себя, можно быть счастливымъ лишь благодаря биологии и въ этомъ ее главное значенiе, это самый большой даръ, какой биологии въ состоянiи дать человѣчеству. Но въ животворныхъ лучахъ, говорилъ Чермакъ, раскрѣтся окутанный уми людей туманъ достигнута и свободная человеческая личность становится рано или поздно въ свои права! Работа людей 19-го вѣка сдѣлала то, что его назвали вѣкомъ желта и крови, пара и электричества. Нашему ученику необходимо придется выступить на арену истории въ 20-мъ столѣтiи; отъ его работы будетъ зависеть, какое имя дастъ этому столѣтiю человекство.

19 вѣкъ вывелъ къ жизни такіе силы, какъ пара и электричество, оставили въ томъ время въ бездѣйствiи безконечно болѣе могущую и благороднѣе силу — силу народнаго ума. Сколько научныхъ открытiй совершено, сколько вершевъ искусства постигнуто безконтрольно, вследствие того, что миллионы и миллионы людей оставались въ состоянiи ибной дремоты. Понемножкѣ же пробуждающемуся 20-му вѣку другихъ доказано, возмощаетъ, чтобы истинно именованно его именемъ Разума и Правды. Не въ томъ должна заключаться цивилизация, чтобы все гдѣ быстало яршй скѣтъ, а въ томъ, чтобы нигдѣ не было истемъ.»

Этими прекрасными высказанiями Н. К. закончилъ

своем вдохновенную речь. Из приведенных мною примеров Вы можете Мн. Гр. видеть как широко смотрел Черняк на самые важные задачи и какие чувства возмущали его благородную душу. После истинносласной лекции начинался его профессорская деятельность. Она весь отдавал делу преподавания, усердно готовился к лекциям, старался возможно лучше и яснее раскрыть перед слушателями содержание Гастемана, каждый шаг его учеником желаний работать, потривал с его стороны самое горячее участие, и сак много уделил своего времени на занятия с такими лицами. Во своих, так сказать, официальных сношениях с учениками т. е. во время экзаменов, переэкзаменовок и т. п. исключил профессора всегда старался быть справедливым. Как экзаменатор он был строг, какойнибудь очень неудачный ответ заставлял его моментально возобновить. Во нем глубоко сидело убеждение, что должен же от своего дела будущий врач знать тот девиз механика, чинить который он получает столь откровенно и страшное право, да и глубоко любил и уважал к своей науке только когда упрямить эту простую и справедливую мысль.

И я знаю как слушателя больше экзамена у Черняка, болел сильно, но не менее сильно уважал и любил своего строгого экзаменатора.

Во замь, своим сослуживцам и поощивалкам он относился идеально тепло, кетое элонное желание, всякую помощь от него запрошавшую он исполнял с удивительной предупредительностью. Не было с его стороны замечто ни тина какого либо казвдственного отношения, ми были только его помощниками в любимом деле преподавания и всегда оставались для него товарищами, ктими и считать себя во всяком мире члени нашей врачебной семьи. Понятно, что согласно абсолютне вброку принципу: доброде возмездие доброде, а любовь персодает любовь, ми горяче чтим такого идеального товарища-профессора. Во время случившей со мною очень гру-

доказательной болезни Николай Карлович заботливо заботился о нем, не жалел, что и сам обремененность пришла ему же исполнять, что было особенно неудобно при незначительности педагогического персонала Гистологического Института. Также предупредительно входил Николай Карлович в нужды и нашего служителя, заботился о нем, о его материальном положении и еще незадолго до смерти вписал кь нему извещения за задержку каквях то денег и назначал его „домашнм Трость“.

После лекций в практических занятиях садился Черняк за свой любимый кофе, от кабинета в это время заходил занимающийся в Институт и пока они кофе болел непринужденная беседа, всегда остроумная и живая, между прочим любил Черняк от души покатиться паду каквяхнибудь замаслованном анекдоте или сама рассказать чтонибудь подобное. Потому каждый уважался за свое дело. Так мари протокола живя скромной ученой обители, амь истинносласный такого доброго мастера.

Вспомр послэ моего поступления на службу в Институт, ми познакомился доками. Семь Николая Карловича состояла только из жемь и сына, тогда еще воспитанника нашей классической гимназии. Вечера прошедшие мною в его дом, всегда рассказывал Николаю Карловичу как чудного омынника и вбжского отца, который не мог надеяться на своего Сашу, летля женту сдвнать вь него человека на лучшее омыслэ этого сына. Положий был удивительно гостеприимным хозяином, но амьла какь и угостить, да еще и повиновался, что не угостить угостить какь слдуют.

Когда он был относительно здоров, т. е. его не сильно мучил кашель и не было припадков жалурн, он рассказывал и шутил с детьми смертниками сына. Он был большой любитель музыки, этого языка ангелов, во выражению Гете, и поминал ее. Какь теперь помню с каквях наслаждением Николай Карлович слушал арию Страделли (Гальберга), это было одно из любимых нрь

музыкальных произведений. За вечеринку чашка собралась у него общество его друзей и добрых знакомых, жила Бисба с которми, иногда превращаясь музыкой, танцуют не редко далеко за полночь. Так прошла несколько лет. Вследствие болезни сына, которого Николай Карлович даже хотел отравить из Египта, жена с сыном переселилась в Саратов, а Николай Карлович переехал себе маленькую квартиру против главной клиники. В это время он всецело занялся наукой, до позднего вечера сидел в институте, занимался анализом и изучением свойств препаратов. Здоровье его тогда уже сильно пошатнулось и он все жаловался на слабость. Здесь я позволю себе рассказать один случай характерный для отношения Николая Карловича к науке и к тому кто ею занимается. Однажды, сидя дома, в бурный и дождливый октябрьский вечер за изучением свойств препаратов мышца, я заметил на одном из них, расщепившемся в физиологическом растворе поваренной соли sartanu, которая, по моему мнению, подтверждала мои выводы о механизме сокращения мышц. Так как препарат нельзя было оставить до другого дня, ибо он мог испариться, подлить же раствора я боялся, чтобы препарат не ушел из под иглы, так боясь, что дело касалось очень тонкого наблюдения, и вот я кисточкой рывком отправился к Николаю Карловичу. Застав его в своем величайшему удовольствию дома, я узнал, что он только что отсюда то вернулся и сидит за своим неизменным кофе. Рассказав вскорю в чем дело я стал убеждать его пойти сейчас же со мной. Он, не колеблясь, тут же согласился, но только попросил подождать несколько минут — чтобы выпить кофе, а хотя Николай Карлович и отказывался в этот момент, как гееретом, такая же хитрая обманка не выиграла из дому, в такую погоду, как в своей жестокости в этот момент, я потащил его за собой. Рассмотрев мой препарат, он приселел его на булавку и дал свое объяснение ади-

мой или картини. Пососорив немного и не слушая меня запоздалых пожеланий, по добродушно улыбаясь, он ушел. Без всяких комментариев вроде Вам становится ясно еще одна характерная черта моего неблаженного шефа. Продолжая свой рассказ, должен заметить, что чтение лекций становилось для него все труднее в трудные, хотя уже раньше демонстрирование препаратов и объяснение у доски во время ведения практических занятий, было им довольно мило; это справедливое разделение труда несколько облегчало Н. К., во все же экзамены и лекции по 3 предметам сильно его утомляли. Жизнь без семьи тоже была тяжела. Одним из удовольствий этого периода жизни Н. К. было посещение его знакомых студентами „молодых друзей“ по его выражению, в кругу которых он любил отдохнуть душой и нередко своим же огромной квартиры вспоминались звуками красивой русской песни. Прокляв таким образом еще некоторое время, Н. К. обратился наконец к врачам. Виль поставил резкую диагноз — туберкулез гортани. Вонкий знает, что до настоящей минуты такой диагноз равносложен смертному приговору. Первый день Николай Карлович был сильно подавлен такой ужасной вестью. Решено было отправить его за границу. Он собрался медленно, забрал моего инструктора, 2 микрофона, книги и как бы сейчас пошел Николай Карлович поблать не столько лечиться, сколько трудиться, возмущаясь обилием материала на берегу Средиземного моря. Он думал конечно, что можно делать и те и другое; в теория это пожалуй было и верно, но на верно по отношению к Николаю Карловичу всегда небрежно относившемуся к своему собственному здоровью; так боясь, что в надежда на продолжение жизни слова вымучились из сердца, ибо уходил в последний раз из института он мн сказал: „ну ничего будь эта болеть выжить 8 месяцев, еще как пойдет этот процесс!“ И с радостью поддерживал эту надежду.

Нанануи отъезда Николай Карлович предложил своим покровителем Д-ра Швейцера и меня к себе на обход, при чем придавая значение равнозначности туберкулеза, сказал, начиная нам вставать: „Вы не бойтесь, я сам их вынул спартею!“ Неизримо грустно и тяжело было, надо сознаться, на этот раз повелевал обход. Первый тощ Николай Карлович предложил выехать за науку, а потом за своих помещиков, длившихся с ним труды. Я поднял божал за рудного шифа. На второй день им проводил его на вокзал и с той поры более не судил нам видѣться. Приѣхав за границу Николай Карлович лихорадочно стал работать, а влики в ливаны родилась в его голуби, а спим . . . все падали. Небрежение къ здоровью удивило всѣх знавших его за границей. Живя и работая как чужбинъ, большой профессоръ имѣлъ утѣшеніе и радость чувствовать, что учителя его похвалять и почитаютъ. Съ медицинскаго вечера вли былъ послан Николай Карловичу телеграмма съ горячими пожеланіями издоровленія вмѣстѣ съ приглашеніемъ объ открытіи „Общества студентовъ-медиковъ“, въ разработку уставъ котораго оны принимала самое усердное участіе. Характерное отъѣтное письмо пошлаго студентушка и приложу здѣсь цѣлкомъ. Вотъ что оны писала имъ Николаю отъ 2-го февр. 1902 года.

«Дорогой другъ! Меня очень обрадовало известіе объ успѣхахъ Вашихъ патиналий. И очень многого жду отъ студенческаго общества, въ особенности отъ Вашего, благодаря его хорошо и всесторонне задуманной програмѣ. До сихъ поръ на аренѣ нашей общественной жизни подвизалась преимущественно люди духъ наторій — герои и искотичи. На геронхъ далеко не уйдѣти, потому что ихъ мало, на выскоткахъ лучше всего не выживать. Русскій же средній человѣкъ, отличающійся въ большинствѣ случаевъ превосходными качествами ума и сердца, обнаруживаетъ въ те время полное отсутствіе воли: его ниль бы воюю и не было и жизнь проходила мимо, точно же забывала его.

Воспитывая привычки, жать, говорить и дѣйствовать, студенческаго общества коснуться въ среднѣе членскій волю — создадутъ личность; а это значитъ очень много (если не все!). Желаю успѣха и укрѣпить въ немъ. Преданный Вамъ Н. Черныкъ.» Даже въ послѣдній свой обходъ, почти умирающій, оны продолжалъ интересоваться наукой, живыми студентами, продолжалъ интересоваться тогда, когда дни его были считаемы. Душа его еще возмалась въ свѣтъ радужныхъ мечтаній и вливанъ, но нестроданность тѣло неудержимо рожуриалась и 22-го Октября «поднялись дѣбрикъ подвизаній» идеалии поберннхъ свѣта в прѣдмъ почилъ вѣчному спомнѣ! . . . Sit tibi terra levis дорогой профессоръ! Вездѣтнѣ предвннхъ дней влики въ Саратовѣ не выжодили, не могла быть сдѣлана публикація, а потому желавшихъ отдать ему послѣдній долгъ было мало.

Рѣчь моя окончена. Прнвѣтъ съ благодарностью предложение Прнвѣтнн Общества пшавнотать Васъ Мн. Г-ехъ биографіи покойнаго Николаю Карловича, и старались насколько могла в умѣть, получую доступннхъ какъ материалы, забрѣсать прѣдъ Вами хотѣ бы только нѣкоторнхъ типичныхъ чертъ этого высокообразованнаго чловѣка. Время полвой обѣлки его, безусловно выдающагося личности, еще преждевременн въ виду свѣжей памяти, но и приведеннаго, свѣтъ думать, достаточно чтобы гордиться и радоваться что оны жилъ и работалъ среди насъ, и жилъ бы еще долго, если бы злой подугъ не прѣсѣлъ его благородную жизнь. Въ лицѣ беззрѣннхъ почитаннаго русскаго наука пшавнотъ тнкую узрѣти; пшавнотъ беззвѣстнаго предаванаго, самостоятельна мысляннаго, талантливаго служителя; университетскаго учителя корпорціи — благороднаго товарища; на дѣланнаго нѣкому совѣтальнаго ала; учашеенъ нншнство своего истиннаго друга и честнаго учителя, долбнство носшаго жа себѣ тяжелой и отвѣтственнаго прѣдъ своею обществомъ преподавательскій трудъ; а все русское мыслянне общество лишалось въ немъ одного изъ самыхъ гуманнхъ дѣятелей, работавшихъ на общую пользу. Оны

живалось честнейшего человека до конца шедшего прямой дорогой, без отклоня со своей совести, человека который не зачерствел от житейской борьбы, который дошел до могилы неотукскавшими священными идеалами юности!

«Сверните вы предѣлахъ земныхъ все земное,» оны прожил свое недолгую жизнь согласно завету мудреца обращенному къ совершенному дитяти: «когда ты родился мы все радовались, одинъ ты плакалъ, живя же такъ все дети, что когда ты будешь умирать, чтобы ты одинъ радовались, а мы все плакали». и сегодняшнее забвение нашего Общества есть дань уваженія памяти покойнаго и выраженіе нашей глубокой скорби по случаю его кончины.

Покойный говорилъ въ своей вступительной лекціи: «оживляемъ себя побольше такими учениками, какими были Николай Ивановичъ Пароганъ, а мы пробавимъ: и пожелаемъ побольше такихъ честныхъ учителей, какими были Николай Карловичъ Чернякъ!»

Пусть же святая личность покойнаго будетъ служить намъ примѣромъ и побужденіемъ подобно ему неустанно стремиться къ свѣту и правдѣ, будемъ же и мы подобно ему работать надъ нравственнымъ совершенствованіемъ своей личности и жизни, что жизнь никогда не повторится, постараемся прожить ее возможно продуктивнѣе и будемъ стремиться дѣлать добро, ибо только при этихъ условіяхъ намъ позволительно вѣрить и надѣяться, что войдетъ наконецъ надъ нашей заре новой книга подъ знаменемъ свободнаго труда и братской взаимной любви!

И будетъ тогда на землѣ жаръ и въ человѣкахъ благоволеніе!

„О научныхъ трудахъ проф. Н. К. Черняка“.

Мн. Ге. I

Въ предыдущемъ сообщеніи предъ вами была очерчена свѣтлый и высоконравственный обликъ покойнаго Николая Карловича Черняка. По предложенію директору Общества Естественныхъ наукъ и охоты явилъ на себя трудъ представить предъ вами обзоръ его ученыхъ трудовъ, которыми я всегда интересовался. Лично я зналъ очень мало Николая Карловича, такъ что почти все то, что я усматриваю сейчасъ отъ Ник. Павл. Карловича, было для меня ново; но, если бы я захотѣлъ воссоздать нравственный образъ покойнаго по его научнымъ трудамъ, то я пришелъ бы почти къ тѣмъ же выводамъ. И думаю особенно, что научна сочиненіи, какъ и всякій другой плодъ умственной или художественной работы, должны отражать въ себѣ характеръ человека и, чѣмъ откровеннѣе оны, тѣмъ правднѣе, тѣмъ это будетъ рѣче выразено. Въ трудахъ Ник. Карловича эта зависимость выстаетъ весьма отчетливо. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь подчеркнуть особенно эти характерныя черты произведеній Николая Карловича.

Уже самымъ выборомъ темъ оны опредѣляютъ свои стремленія и направленіе мысли. Оны стремились къ разрѣшенію самыхъ основныхъ, самыхъ вѣчныхъ вопросовъ науки о жизни. И шелъ оны къ этому двумя путями: сверху и снизу; т. е. или при помощи философскаго